

**К истокам науковедения в Индии:
Профуллочондро Рай о проблемах развития науки
в модернизирующемся обществе**

© 2022 г. Т.Г. Скороходова

*Пензенский государственный университет,
Пенза, 440026, ул. Красная, д. 40.*

*E-mail: skorokhod71@mail.ru
http://dep_sr.pnzgu.ru/prepods/skorokhodova*

Поступила 16.06.2020

В интеллектуальной истории Индии Нового времени есть богатый материал для изучения западного науковедения. Происхождение индийского науковедения относится к колониальной эпохе – периоду первых попыток ученых проследить историю индигенного научного знания и осмыслить обстоятельства упадка и дальнейшего развития наук в модернизирующейся Индии. Значимым примером науковедческого труда является эссе «Бенгальский мозг и его неправильное применение» (1910 г.) индийского химика Профуллочондро Рая (1861–1944). Цель статьи – представить социальные и философские смыслы этого эссе в широком контексте интеллектуальной и культурной истории эпохи Бенгальского Возрождения. Представляя внешне попытку осмысления социальных причин невозможности научной революции в Индии по сравнению с Европой и отставания бенгальской социокультурной общности в важнейших сферах деятельности Нового времени, П. Рай формирует практически первый подступ к индийской философии науки. Наука мыслится как производная от присущего человеку «духа исследования», и основанием познавательного усилия является рационализм, побуждающий к постановке смелых вопросов и сомнению в любых авторитетах. С позиций социологии науки упадок научного познания и неправильное приложение усилий интеллекта П. Рай трактует как следствие доминирования брахманской монополии на знание, кастовой системы и неверного понимания ценности высшего образования в условиях модернизирующегося общества.

Ключевые слова: индийское науковедение, Новое время, западные общества, Бенгальское Возрождение, Профуллочондро Рай, история науки, социальный контекст науки.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-1-159-185

Цитирование: *Скороходова Т.Г.* К истокам науковедения в Индии: Профуллочондро Рай о проблемах развития науки в модернизирующемся обществе. *Профуллочондро Рай.* Бенгальский мозг и его неправильное применение. Пер. и комм. Т.Г. Скороходовой // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 159–185.

СКОРОХОДОВА Татьяна Григорьевна – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры «Теория и практика социальной работы» Пензенского государственного университета.

SKOROKHODOVA Tatiana G. – DSc in Philosophy, CSc in History, Professor, Department “Theory and Practice of Social Work”, Penza State University.

Бенгальский мозг и его неправильное применение¹

Профуллочондро Рай

В речи, которую я произнес в качестве председателя на недавней Литературной конференции² в Раджшахи, я имел возможность заметить: «Около тысячелетия индусская нация³ была почти мертва, подобно сыну богача, промотавшему отцовское состояние и вынужденному жить бедно, но полному тщетной самонадеянности из-за богатства, которым когда-то владели его предки; таковы индусы наших дней. Согласно Лекки⁴, дух исследования стал замечен в Европе после апатии Темных веков – около XII в. Но Индия примерно в это же время была окутана интеллектуальной тьмой. Профессор Вебер⁵ очень точно замечает, что Бхаскара⁶ – последняя звезда на индийском небосводе. Поистине, мы по обыкновению преисполнены гордости силой интеллекта бенгальцев, который проявляется в утонченных диспутах, основанных на современной школе ньяя⁷ а также на *смрити*⁸ Нободипа⁹, тем не менее надо иметь в виду, что пока великий проповедник *смрити* (Рагхунандана¹⁰) искал в текстах Ману, Яджнавалкьи, Парашары¹¹ и других и устанавливал суровые правила поста для девятилетней девочки-вдовы, а за их нарушение обещал ужасы адского пламени ее предкам с отцовской и материнской сторон, пока Рагхунандана, Гададхара, Джагадиша¹² и другие могучие логики были заняты составлением словарей и комментариев к классическим трудам по логике и этим наводили ужас на учеников *тол*¹³, пока наши астрономы подсчитывали дурные предзнаменования и знаки от карканья вороны на юго-востоке в некоторые мгновения, пока наши пандиты лишались покоя на собраниях, саркастически обсуждая противоречие: сопровождается ли звук падения плодов с пальмы какими-либо последствиями или же нет, – говорил я, – в период, пока интеллектуалы Нободипа так использовали драгоценный дар времени, в Европе Галилей, Кеплер, Ньютон и другие философы разгадывали тайны природы и возвещали о приходе новой эпохи, и так прославляли интеллект человека».

Давайте внимательно рассмотрим суть приведенных замечаний. Тем более что, как где-то заметил Бонкимчондро¹⁴ о вышеназванных бенгальцах и Куллукабхатте¹⁵ (комментатор Ману), Бенгалия даже в состоянии упадка дала жизнь могучим умам. Теперь мы должны остановиться и поразмышлять: в эти дни острой борьбы за существование должны ли мы принять толы Нободипа и изучать их новую логику¹⁶ и *смрити* и считать ошибочной ученость и мудрость цивилизованного мира или же бенгальскому народу грозит исчезновение с лица земли из-за нашей неспособности осознать ситуацию и двигаться вперед сообразно духу времени?

Чтобы оценить величие и возвышенность положения нации, прежде всего необходимо выяснить, из каких материалов сложены ее элементы. Мне представляется, что те, кто оценивает прошлую славу бенгальцев, – нет, всей индусской нации, – в свете произведений Бонкимчондро и Бхудеба¹⁷, неосознанно склоняются к ошибочным идеям. Если мы держимся за прошлое, относимся к комментариям Рагхунанданы и Куллукабхатты как непогрешимым руководствам и с презрением отталкиваем новые идеи

и устремления, которые обновляют другие нации мира, то, боюсь, бенгальская нация вскоре перестанет существовать. Рационализм является истинным источником жизни нации; падение бенгальской нации начинается со времени, когда этот источник начал высыхать, и вместе с самобытностью исчез и самый дух исследования. Когда человек прекращает самостоятельно мыслить, он естественным образом больше надеется на мысль других. В чем преимущество родиться человеком? Что отличает его от животных? Я полагаю, его отличает разум – с его силой бесконечного роста! Гордый своими интеллектуальными достижениями культурный индус, если смотрит на низшие классы, то отказывается от собственных суждений в пользу предписаний *шастры*¹⁸. Он решил жить взаперти в своем узком кругу, ограниченным и стесненным, и относиться ко всем, кто живет за пределами его обожаемого сообщества, как ко множеству варваров, у которых нечему научиться и нечего позаимствовать.

История последнего тысячелетия говорит нам о том, что индусы все это время живут в оцепенении, подобно любителям опиума. Тем не менее и в мировой истории известны случаи, когда нация, впадшая в подобное состояние интеллектуального застоя, теряла способность самостоятельно мыслить и питала несокрушимую веру в прошлое. Она забывала о том, что прогресс – это закон природы, что нация, если она стремится выжить, должна менять свои нравы и общественные обычаи сообразно требованиям времени. Когда нация доведена до такого жалкого и унижительного состояния, она начинает смотреть на священные книги как на непогрешимые и освещать их отраженным светом свою повседневную жизнь. Такую стадию в жизни нации можно назвать ее темными веками. В это время, сообразно закону спроса и предложения, на сцене является два типа людей – законодатель и его комментатор.

Когда в стране умирает дух исследования, тщетно искать способность к оригинальному исследованию в ее народе. Естественно, что речения и предписания святых отцов, *риши*¹⁹ и святых выглядят как евангелие. Отсюда появляется потребность в комментаторах. Новые несчастья настигают общество. По мере того как человек утрачивает веру в собственные силы и действенность личных усилий, он создает веру в чудеса, в божественное и сверхчеловеческое вмешательство в его дела. Это очень благоприятное время для жреца. Один он может вдохновенно прочесть предзнаменования и истолковать сны. В этот период ни одно лекарство не считается целебнее святой воды, над которой вдохновенный человек произнес благословения. Таково было состояние дел в средневековой Европе. Лекки в книге «Рационализм в Европе» говорит: «Редко находились город, где не показывали какие-нибудь мощи, которые исцеляли больных, страдавших от неизлечимых болезней и излечившихся благодаря реликвиям Христа или Св. Девы. Сила этих реликвий изливалась благодать на все окружающее. И это происходило по всей Европе, не возбуждая ни малейшего удивления или скептицизма. Те, кто досконально знает, насколько старинные жития святых пропитаны сверхъестественными элементами, может составить представление о множестве чудес, к которым они имели отношение, – и все в это верили, – по одному лишь факту, что мсье Гизо²⁰ подсчитал, что число этих житий, согласно Собранию болландистов²¹, достигало 25 тысяч».

Читатель безошибочно определит необыкновенное родство этих комментаторов Европы с их бенгальскими собратьями Рагхунанданой и Куллукабхаттой. Такой период в жизни нации, когда ее лучшие умы заняты писанием комментариев и интерпретациями святых прошлого, – это не период обретения ее славы, но период упадка.

Давайте теперь обратим наш взгляд на действительно славный период Индии. Не всегда она была под властью шастры. Рационализм и дух исследования оправдывают Древнюю Индию. Мудрец Капила²² осмелился даже поставить вопрос о самом существовании Бога, поскольку оно не может быть наглядно доказано. Во всяком случае Капила признает достоинство Вед. Упанишады и шесть систем индусской философии²³ сходным образом допустили непогрешимость Вед, признали их откровением и тем самым нейтрализовали противостояние ортодоксальных классов. Но мудрец Чарвака²⁴ пошел еще дальше. Он смело отвергает божественное происхождение Вед

и заявляет всему миру: «Веды с их описаниями небес и ада – это творения богатого воображения немногих мошенников и самозванцев, которые получили легкие средства для жизни, играя на страхах и суевериях, а также на доверчивости владык и народа вообще. Поскольку эти лукавые жрецы сами возглавляют ведийские ритуалы и церемонии (*яджна*²⁵), их услуги сделались необходимы, и потому они накопили богатства и обеспечили благополучие своим семьям. Веды, опять же, полны противоречий. Авторитет *джняна-канды* отвергается теми, кто отстаивает авторитет *карма-канды*²⁶. Самые три Веды²⁷ – это фактически бессвязный бред безумцев. Эти обманщики имели наглость утверждать, что животные, принесенные в жертву на *яджнах*, перемещаются на небеса. Если эти мошенники действительно верили в собственные утверждения, то почему они не обезглавили своих родителей и не предложили их в жертву?».

Философия Чарваки полна красноречивых свидетельств о духе исследования в Древней Индии. Позже религия Будды проповедовала веру всеобщей любви и братства. Врата учености были широко открыты для людей всех классов, и в ответ каждый класс внес свою скромную лепту. Индия многим обязана буддистам за поощрение и совершенствование наук – медицины и химии. Достаточно упомянуть имя Нагарджуны²⁸, который исправил «*Сушрута-тантру*»²⁹ [1]. Трактат Сушруты особенно повлиял на буддийские догматы; он указал, что анатомирование мертвых тел необходимо изучающим хирургию, и подчеркнул необходимость знаний, получаемых с помощью наблюдения и эксперимента. Вагбхата³⁰, автор «*Аштанга-хридайя*», тоже был буддистом и, когда ортодоксальные индуcы проигнорировали его воззрения, однажды не без сарказма заметил: «Если сочинение является общепринятым авторитетом просто потому, что создано мудрецом древности, то почему изучаются только трактаты Чараки³¹ и Сушруты, а не Бхелы, Джатукарны³² и других? Из этого следует, что сочинение надо предпочесть не из-за его авторства, но учитывая его содержание». В другом месте этот великий медицинский авторитет говорит: «Лечение должно быть оценено только по его результату. И тогда безразлично, было ли оно назначено самим Брахмой или кем-либо еще». Великий Нагарджуна оказал важную услугу науке химии; согласно Чакрапани³³, именно Нагарджуна первым ввел в медицину препараты железа и, по данным «*Расендрачинтама*»³⁴, изобрел процесс дистилляции.

В Древней Индии не только философия и литература достигли высокого уровня совершенства, но так же основательно развивались медицина, астрономия, математика и химия. Возникает вопрос: почему остановился весь этот интеллектуальный прогресс и начался застой?

Согласно некоторым авторам, это связано с падением индусских князей после вторжения мусульманских завоевателей. Но история опровергает эту теорию. Упадок индусского интеллекта начался задолго до того, как последователи ислама ступили на индийскую землю. Мусульманское владычество никогда надолго не устанавливалось в Декане, и мы естественно могли бы ожидать, что индусская ученость и наука нашли бы убежище в Южной Индии. Столь же важно, что два больших центра учености Бенгалии более позднего периода – Нободип и Бикрампу³⁵ – расцвели в пределах, которых достигал сверкающий взор навабов³⁶ Муршидабада и Дакки. Грубо говоря, время от Упанишад и до периода деятельности сторонников Махаяны³⁷, то есть от 600 г. до Р.Х. и до 700 г. после Р.Х. должно называться Рационалистической эрой Индии – эрой, изобилующей лучшими достижениями индусских ученых. В этот период Панини³⁸ создал свою несравненную грамматику, а риши – шесть систем философии. Арьябхатта, Брахмагупта, Варахамихира³⁹ и другие могучие гиганты интеллекта тщательно разработали астрономию и математические науки. Но слава Индии начала угасать.

Непостижимы законы, правящие взлетом и падением наций. С упадком буддизма брахманы начали возвращать себе утраченную власть. Но эти новые брахманы были выродившимися потомками тех, кому мы обязаны богатыми сокровищами Упанишад и шести систем философии. Религиозные книги теперь пересмотрены и перестроены, и все внимание сосредоточено на возвышении славы брахманов и даже возвышении их самих до уровня божеств. Дух исследования теперь воспринимается как грубое

потрясение. Буддизм с его фундаментальной доктриной всеобщего братства широко открыл врата учености всем классам людей. Самой сущностью возобновленного брахманизма был эксклюзивизм, если можно употребить это слово. Гизо указал на дурные последствия подобного правления. Этот вдумчивый автор заметил, что по самой своей природе деспотизм жрецов ограничивает ученость (learning) собственным классом и делает прогресс невозможным. Потому что пока массы людей остаются невежественными, у их правителей нет никаких стимулов к тому, чтобы улучшать или распространять ученость, которая у них уже есть. С этого времени ученость утрачивает свою энергию и становится окостеневшей традицией, полезной только для обмана невежественных и доверчивых. Религиозные размышления, конечно, строго подавляются, и религия постепенно вырождается в суеверия, сочетающиеся с механическим соблюдением предписанных ритуалов и церемоний, которые сами по себе не имеют никакой ценности. Несчастная Индия теперь должна тяжело расплачиваться за это интеллектуальным застоєм. Началом V в. после Р.Х. мы датируем основание начал научной астрономии. Варахамира ясно изложил теорию о суточном обращении Земли вокруг своей оси. Опять же Варахамира, Арьябхатта, Шрисена и Вишнучандра⁴⁰ предложили истинное объяснение солнечного и лунного затмений. Но вскоре это научное объяснение было отброшено. Сообразно предубеждениям изуверов было выдуманно, что непосредственной причиной затмения восьмой планеты является Раху⁴¹. Медленно астрономия выродилась в астрологию. Теперь Ману установил, что самое прикосновение к мертвому телу оскверняет священную персону брахмана, и таким образом уже после времени Вагбхаты самое обращение с ланцетом было забыто, анатомия и хирургия стали бесполезны и со всеми их устремлениями и целями стали для индусов утраченными науками.

В моей «Истории индусской химии» в главе «Знание технических наук (technical arts) и упадок научного духа» я следующим образом суммировал пагубные последствия «Законов Ману»: «Оно было сочтено столь же низким, что и дело кузнеца, трудящегося в поте лица, словно Циклоп. С этого времени развитие *кала*⁴² более “чистыми” классами в обществе, о котором мы получаем столь живые картины в древней санскритской литературе в прошлом, сохранилось только как традиция очень давнего времени.

Так эти искусства были отданы низшим кастам, и занятия ими стали наследственными; особая степень тонкости и искусности в изготовлении вещей была, несомненно, сохранена, но ужасной ценой. Таким образом, интеллектуальная часть общины была оторвана от активного занятия этими искусствами. Связь феноменов “как” и “почему” – согласование причины и результата – были забыты, и дух исследования постепенно умирал в нации, от природы склонной к размышлению и метафизическим тонкостям, и однажды Индия распрощалась с экспериментальными и индуктивными науками. Ее земля оказалась неподходящим местом для рождения Бойля, Декарта и Ньютона, и самое имя ее было стерто с карты научного мира».

Удовольствуясь Ману и другие законодатели простым запрещением анатомирования мертвых тел, мы были бы благодарны им за регулирование (moderation). Но они пошли дальше. Точно так же были запрещены заморские путешествия. По путешествиям китайского паломника Фа Сяня мы узнаем, что он отплыл домой из Тамралипти⁴³ (Тамлук) на Цейлон с группой брахманов-торговцев. Хорошо известно, что индусы колонизовали острова Яву и Бали, и в этих местах до сих пор находят остатки индусских храмов и культов. Также мы узнаем из буддийской литературы, что обширная заморская торговля велась между Варочей⁴⁴ (современный Broach) и Алассандрой (Александрией). Теперь полагают, что тогда шло не только торговое, но и интеллектуальное взаимодействие между Индией и Египтом, и что неоплатоники именно таким образом восприняли доктрины Упанишад. Торговля обеспечивает обмен идеями, сплачивает нации и объединяет человечество золотыми узами братства. Чем больше мы узнаем людей в непосредственном общении, тем лучше мы начинаем о них думать. Благодаря этому взаимному общению друг с другом разные нации Европы достигли высокого уровня цивилизации и научных достижений. Где бы ни были сделаны новые

открытия в области науки или ни проповедовались реформаторами новые доктрины, – это принесло пользу всему европейскому миру. Когда Мартин Лютер стряхнул рабство Папы и смело прибил свои тезисы у ворот церкви в Виттенберге, радостное известие достигло всех уголков Европы и взволновало общество до самых глубин. Именно тогда, а не ранее, Галилей, Коперник, Кеплер и Ньютон опубликовали результаты своих наблюдений в астрономии и физике, и они стали общим наследием каждого европейца.

Запретом заморских путешествий наши шастры нанесли смертельный удар нашему будущему прогрессу. Консерватизм воистину преследует свои цели, но у него есть и ограничения. Прогресс – социальный, политический и интеллектуальный – это закон природы. Нация, которая отказывается от движения вместе с изменением условий времени, обречена на застой и упадок. Рёскин⁴⁵ где-то говорит, что человек оказывается в глубоком упадке тогда, когда теряет способность ценить благородные качества ближних. Индус начал относиться к себе как воплощению всего благого и благородного в сотворенном мире и смотреть свысока на тех, кто имел несчастье жить за пределами его общества. Последние презрительно были названы варварами, у которых нечему научиться [2]. Теперь индус начал жить в изолированном мире, подобно лягушке в колодезье из пословицы. Я постоянно использую слово «индус» в широком смысле. Здесь надо отметить, что под ним не подразумеваются массы народа, которым просто позволено терпеливо жить в рамках этого общества, но кучка людей, которые умудрились монополизировать все привилегии доминирующих каст. Справедливо наблюдение Свами Вивекананды⁴⁶: «Религия, которая безразлична к страданиям бедняков, которая не возвышает человека, теряет самое имя религии. Наша религия выродилась в веру в “прикасаемое” и “неприкасаемое”. О Господи, страна, чьи лучшие умы за последние две тысячи лет занимаются такими глубокомысленными проблемами, как уместность принятия пищи правой или левой рукой, чьи мантры начинаются с мистического *kat et krang, kring, hihi*⁴⁷, – эта страна только навлекает на себя гибель и полностью ее заслуживает».

Когда страна приведена в такое жалкое состояние, появляется тысяча и один вредный обычай, и растравляет и пожирает жизненно важные органы общественного организма. С изгнанием буддизма из Бенгалии и новым утверждением брахманской власти поднял голову кулинизм⁴⁸, установленный при Баллала Сене⁴⁹. Угнетенные «низкокастовые» люди, которых жестокая тирания иерархии низвела до состояния «неприкасаемых», – *дом, багди, чанда, ханди*⁵⁰ и проч., страдающих в агонии и оскорбленных унижением, – теперь искали избавления в обращении в ислам, который не только проповедует, но и воплощает братство людей. Мы можем воздать должное тем, кто был ответствен за установление кулинизма, когда они сделали его наградой за личные заслуги и интеллектуальные и моральные достижения. Час создает человека. Но когда кулинизм стал наследственным, бенгальцы все глубже и глубже погружались в трясину упадка. Теперь на сцене появляется Девивара Гхатака⁵¹. Сочиняются ученые труды о генеалогии кулинов.

Бенгалец уже связал себя по рукам и ногам предписаниями *шастр* в интерпретации пандитов Нободипа. И словно ему этого было недостаточно, он навлек на себя новые пути, изобретенные Девиварой и его достойными помощниками. Когда бенгалец таким образом добровольно подчинился действию этих искусственных законов, Природа не замедлила отомстить. Кулинизм запретил брачные союзы с теми, в чьих жилах течет «нечистая» кровь. Именно так язва полигамии вошла в общественный организм.

Разделение бенгальского общества на многочисленные касты и подкасты (*subsects*) – *варендра, пархи, вангадж* и прочие⁵², – это логическое следствие злополучного кулинизма. Стоя на пороге XX столетия, мы сейчас можем наблюдать множество зол, порожденных этой системой. «Я не женюсь на твоей дочери»; «Я не приму от тебя пищу»; «Если я отобедаю с тобой, меня изгонят из касты»; «Если самая тень твоя падет на меня, я буду осквернен», – все эти и им подобные неравенства разрушили наше общественное устройство. Не хлебом единым жив человек. Он стремится к сотрудничеству и взаимопониманию. А иначе миллионы низкокастового народа, составляющего

самую основу общества, начинают втайне испытывать дурные чувства и даже злобу против высших классов. Бенгальский народ таким образом перестал быть нацией, объединенной общими интересами, и распался на массу групп и классов. Но когда Бенгалию опутала тьма, блистающий луч света воссиял в личности пророка из Нободипа⁵³.

Религия любви, которую проповедовал Чайтанья, покончила было с неравенством и барьерами каст. Под его знаменем сплотились угнетенные классы, и лучшие умы того времени отозвались на его призыв. Но дух времени не был благоприятным, и воодушевление, воспламененное личным обаянием Чайтаньи, быстро сошло на нет. Вскоре после его смерти религия его перестала быть живой силой и покрылась панцирем догм. Не будет преувеличением сказать, что вместо вишнуизма 95% населения Бенгалии приняло ислам.

Брахманизм снова утвердил свое господство. Рагхунандане и его святым собратям немного осталось сделать для того, чтобы несчастная Бенгалия достигла предела деградации – неизбежного результата их веских толкований шастрических измышлений. Когда человек прекращает чувствовать братство с другим человеком, он больше не чувствует своей страны. Он не может заглянуть за узкий горизонт своих непосредственных интересов. Он становится живым воплощением эгоизма. Благороднейший дар Бога – патриотизм – не имеет смысла для бенгальца.

Таким было состояние общества в Бенгалии, когда на сцене явились англичане. Лидеры Бенгалии – индусы и мусульмане, которые действовали в полной событий драме, завершившейся падением Мир Касима⁵⁴, были худшими человеческими типами, невосприимчивыми к велениям совести и человечности. Каждый из них готов был продать свое первородство за миску чечевичной похлебки. М-р Калипрошонно Банерджи⁵⁵ в замечательной «Истории Бенгалии при навабах» – труде, который обогатил и бенгальскую литературу, – следующим образом обобщает результаты своих исследований: «Я был вынужден серьезно критиковать деяния и характеры множества лиц; поступая так, я не терял из виду факта, что все они были только порождениями обстоятельств. Индивиды – это результаты общественной эволюции эпохи; они редко способны подняться над духом времени. Падение мусульман и взлет британской власти не делают ни чести, ни славы ни одной из сторон. Но бесчестие и позор постыдных деяний навсегда должны очернить известных индусов этого периода. Англичане, вопреки многим их порокам, могли действовать сообща ради единой цели, и эти качества обеспечили им превосходство».

В ранний период британской власти представилась великая возможность. Кучка английских торговцев заложила основание обширной империи. Но иностранные правители не смогли бы преуспеть в этом без помощи и сотрудничества детей этой земли, особенно в области сбора налогов. Множество бенгальцев заняли выгодные должности в сфере *Дивани* (гражданской). Но их постыдные деяния оставили неизгладимый отпечаток на бенгальском характере. Бенгальцы утратили и другую, намного большую возможность. Когда Ост-Индская компания впервые вступила на земли Бенгалии, она начала с основания факторий в Касимбазаре, Гобиндопуре, Шутанати и других местах. Не зная нравов, обычаев и языка народа, первые английские торговцы вынуждены были всецело полагаться на помощь бенгальцев. Родоначальники некоторых из современных семей Калькутты именно так накопили свои сказочные богатства. Даже вплоть до 50–60-х гг. прошлого столетия европейские торговцы не могли вести дела без бенгальского агента – посредника и *бании*⁵⁶. Традиции миллионеров Мутшудди («Больших домов»)⁵⁷ сохранились до сего дня. Но бенгалец пренебрег этим периодом в человеческих делах. Торговое предпринимательство всегда было чуждо его природе. Мутшудди и их богатые наследники вели легкую и роскошную жизнь и никогда не заботились о том, чтобы начать дело на свои собственные средства. В то же самое время всегда бдительный европейский торговец начал приобретать знания о местных обычаях и осознавать собственную силу, научился обходиться без бенгальских посредников. Последних начали вытеснять с выгодных позиций. Истина в том, что бенгальцы и сегодня все так же необходимы, но только как клерки и малооплачиваемые письмоводи-

тели. Надо заметить, что этот созданный неспособностью бенгальца разрыв европейцы занимают не полностью. Предприниматели Бомбея, Гуджарата, Биканера и Соединенных Провинций, имевшие наследственную предрасположенность к бизнесу, стали стекаться в Бенгалию и заявлять о своем главенстве на рынке. А тем временем Бенгалии грозила новая опасность. Замена ручного труда энергией пара произвела революцию в промышленном мире. На первых порах деятельности Ост-Индской компании обширная экспортная торговля хлопком направила растущий приток богатства, доходивший до нескольких *кроров*⁵⁸ рупий, в карманы ткачей Дакки, Шантипура, Чандернагора и проч. Факт утечки богатств из Англии в Бенгалию начал привлекать внимание школ английских политиков. В 1815 г. хлопковые товары экспортировались из Индии на сумму 1 300 000. Но к 1840 г. Дакка, когда-то бывшая индийским Манчестером, перестала быть самым преуспевающим городом и превратилась в маленький городок, чье население сократилось со 150 000 до 30 000 или 40 000.

На протяжении полувековой борьбы против ужасающего неравенства Бомбей оказался способен создать великолепную индустрию текстильных фабрик. Бомбей пробудился от оцепенения сна и смог занять передовую позицию. Несчастливая Бенгалия, которая гордится тонким интеллектом своих сыновей, избрала иное. С распространением английского образования, основанием Калькуттского университета и замены фарси английским в судопроизводстве здесь возник устойчивый спрос на англоговорящих клерков, секретарей и заместительный магистрата. Кроме того, Бенгалия с ее Постоянным землеустройством⁵⁹ и многочисленными изощренными тонкостями в землепользовании стала для юристов областью удачной охоты на клиентов. Университетское образование в Бенгалии стало таким образом рассматриваться как простой документ для профессиональной или чиновничьей карьеры. Поистине, некоторые члены адвокатуры достигли успеха, который можно считать феноменальным и который воспламеняет юных соискателей огнем подражания. Но профессиональные юристы и без того уже в избытке, и мы сильно сомневаемся, что хотя бы у одного из десяти есть шанс найти средства для достойной жизни.

С самого установления британской власти бенгалец приучился смотреть на правительственную службу или на многочисленные европейские торговые дома как начало и цель всего своего существования. Где бы ни была присоединена новая территория, за фортуной Британского Раджа туда следовал бенгалец, где ему предоставлялось свежее поле и новое пастбище для проявления его чиновного гения. От Панджаба до Бирмы раскинули теперь свои бесконечные сети бенгальские *керани*⁶⁰. Единственным их стремлением было ниспослать милость и усердно поддерживать благорасположение своего начальника. Воспитанный в нескольких поколениях в школе угодничества и доносительства, бенгалец утратил мужественность, уверенность в себе и даже самоуважение и быстро теряет все важные благородные качества, которые позволяют создавать нацию.

На земле нет более жалкого существа, чем бенгальский юноша, только что окончивший университет и увенчанный лаврами. Он умрет от голода, если о нем не позаботятся, сразу не протянуть ему руки в этой ситуации. Он оканчивает свои дни, занимаясь бумагомаранием, и так сооружает кладбище своих академических знаний.

Движение *свадеш*⁶¹ заставило нас осознать необходимость занятия торговлей и основания производств. Но наши национальные ресурсы в этой области весьма бедны. Бенгальца никогда не учили стоять на собственных ногах. Он жалко выглядит, когда в суматохе жизни внезапно сталкивается с деловым человеком. Фактически бенгалец наших дней – всего лишь результат социальной эволюции прошлых лет. Я уже указывал, что полнейшим преступным безрассудством и пренебрежением мы позволили внутренней и внешней торговле страны выскользнуть из наших рук. Экспорт и импорт Индии сейчас достиг колоссальных сумм в 300 кроров рупий. Лишь только в бесконечно малой доле этой гигантской торговли мы принимаем участие. Пока мы смотрели на правительственную службу как на путеводную звезду, люди из других областей страны и *марвари*⁶² сумели взять нашу торговлю в свои руки. Со своей сторо-

ны мы благородно отомстили, награждая их неодобрительно эпитетами «безмозглых» и «чатулхор» («пожиратели круп»), как если бы самое совершенство умственных способностей пребывало в рутинном труде письмоводителя! Бесплезно игнорировать строгие факты. Марвари уже владеют всей областью торговли, и некоторые члены торговой общины – среди наших торговых королей. Бенгальскому юноше не осталось ничего другого, кроме как учиться основам бизнеса у этих предприимчивых людей. Он должен пройти период обучения и стажировку в их магазине. Он должен изучить условия рынка и узнать, где покупать и когда продавать. Большая часть предпринимательского успеха зависит от способности улавливать психологическую атмосферу. Человек, воспитанный в коммерческих устремлениях, становится уверенным в себе; он обучается стоять на собственных ногах и быть изобретательным. Короче говоря, этим путем приводятся в действие благороднейшие качества человека. Но бенгалец стал совершенно деморализован. Движение свадешти снизило на нас, как манна небесная. Как глупы наши усилия в этой области! Мы вынуждены с тоской взирать на владельцев фабрик Бомбея, чтобы они помогли нам в снабжении одеждой. Далее, у нас есть развитое производство джута, которое *par excellence* производство бенгальское. На берегах Хугли располагается около 60 фабрик, но ни одна из них не принадлежит бенгальцам.

Я надеюсь, что достаточно ясно показал, что бенгальский юноша должен открыть новую страницу в своем росте. Он не должен создавать новые трудности вдобавок к своим затруднениям. Гордый обладатель академических степеней, он по высочайшей цене продает себя на брачном рынке, а неумолимая Природа взыскивает полное наказание. Он совершенно не способен к борьбе за существование. Когда он собирается войти в мир, он уже обременен заботами о растущем семействе и должен довольствоваться тем, что попадает на его пути, – службой чиновника с жалованьем в 30–40 рупий в месяц. Все его надежды и устремления растоптаны. В возрасте, когда английский молодой человек полон бодрости и душевных сил, когда мир представляет ему великолепные перспективы, его бенгальский собрат смотрит на жизнь как на череду несчастий и преждевременно становится старше.

Некоторые авторы привыкли порицать и поносить западную цивилизацию, а европейцев держать за почитателей Маммоны и презирать. Но они забывают, что индуистское общество как таковое полностью пронизано материализмом. Те, кто идет в университет получать образование, приучены видеть в нем только средство достижения цели. Диплом ценится только в его денежном измерении – как нечто, что можно обрести в наличности.

Мы озабочены только настоящим, даже не прошлым – обществом наших дней. Если такое состояние дел характеризуется как благоприятное для духовности и противоположное материализму, то тогда я не знаю, что такое варварство. Бенгалец так же любит деньги, как и любой народ на земле; нет, он, вероятно, самый корыстный из всех. Он prostitute'ровал один из благороднейших даров Бога, а именно жажду знаний. Англия, Германия и Америка невероятно богатеют – богатство, собранное со всех четырех сторон света, изливается на эти страны. Но мы должны иметь в виду, что только современные Европа и Америка могут похвастаться преданными служителями храма науки, занятыми разгадыванием тайн Природы. Галилей претерпел пытки инквизиции, а Бруно был сожжен на костре за свою бесстрашную защиту учения Коперника. Мы не будем останавливаться на преданности науке как делу жизни Ньютона, Фарадея, Шееле⁶³, Пастера, Берглю. Это к Европе мы должны обратить свои взоры для осознания идеала, провозглашенного нашими риши, – неослабевающей и сосредоточенной преданности цели знания ради него самого. Если Европа стала хозяйкой всего мира, то лишь потому, что ничего не смогла с этим поделать, поскольку *знание – сила*. Человек науки в Европе выдерживает суровость полярной экспедиции и малярийную лихорадку в почти непроходимых областях Африки; он героически бросает вызов смерти, прививая себе микроорганизмы-возбудители всяких болезней, чтобы иметь возможность изучать их действие на человеческий организм. Но какое печальное

зрелище являют наши юноши! Они прощаются с богиней учености сразу же после того, как обеспечили себе университетский диплом, о котором так пеклись. Конечно, наши мальчики не виноваты в этом болезненном стремлении. Они воспитаны в социальном окружении, которые учило их придавать воображаемую ценность университетской квалификации, а не книжности как таковой.

Когда сэр Вальтер Скотт учился в школе, один учитель назвал его болваном, другой – тупицей. Выдающийся учитель бенгальской молодежи⁶⁴ в доброе старое время Хинду колледжа бывший кумиром своих учеников, писал более шестидесяти лет назад: «Школьные учителя в большинстве своем очень плохо судят об интеллектуальных потребностях своих учеников. Они подходят к оценке природных сил мальчиков только по их прилежанию или по достижениям, не вспоминая о том, как часто первый ученик в школе превращается в скучнейшего в мире человека, тогда как многие дети, которых раздражает занудный, унылый урок, вымученный от первого до последнего слова, величием своего гения изумляли, восхищали и делали лучше своих ближних. Простую праздность, скрывающую обещание оригинальной силы души, часто ошибочно принимают за неспособность. Высоко оцениваются также усилия памяти. Но требуется исключительная проницательность, чтобы открыть подлинные качества ума ученика, который иногда более ясно развиваются случайных замечаниях, нежели в намеренной демонстрации школьных знаний. Но даже ранняя быстрота ума не является более надежным признаком будущих заслуг, чем неординарный успех в школьном обучении – будь он результатом упорного труда или хорошей памяти; часто мы обнаруживаем, что известная живость мальчика в детстве оборачивается тупостью и глупостью в зрелой жизни, тогда как медлительный юнец становится блестящим человеком. Человеческий ум подобен апрельскому дню: его заря исключительно обманчива. Эти рассуждения, возможно, утешат друзей внешне медлительных и неуспевающих учеников, которые не будут унывать из-за трудностей, с которыми встретятся, чтобы не отстать от своих товарищей».

Мы создали слишком много «блестящих» людей университета, забывая, что в 9 случаях из 10 на обширном поле жизненных битв они терпят поражение; «он словно банкрот, которому тщетно предлагать блестящие возможности»⁶⁵. Часто у нашего «блестящего» человека университета развивается вкус одновременно к полудюжине предметов. Но в человеке как божьем создании редко может быть подлинный вкус исключительно к одному предмету; это яркий молодой человек с хорошей памятью, который достигает успеха. Создатели империй и промышленные магнаты, как правило, – это не блестящие люди университета, но люди, которым было позволено по-своему развиваться в упорном стремлении к своей цели. Джордж Элиот воплощает этот взгляд в нескольких строках, когда следующим образом говорит о своем герое Томе: «Я думаю... что он добьется своего, если очень захочет. Тот, кто поставит на него, скорее всего выиграет, несмотря на его ничтожные успехи в классических языках и литературе, ибо Том никогда не стремился быть первым в этой области, а для того чтобы глупость расцвела пышным цветом, нет лучше средства, чем пичкать ум кучей предметов, к которым он не питает никакого влечения»⁶⁶. Если вы – юрист, или врач, или инженер, то умоляю, не вынуждайте своего ребенка быть вашей копией или моделью; предоставьте ему самому следовать собственному вкусу. Эмерсон также почувствовал угнетающее воздействие университетского образования на гения, когда сказал: «Странно, как мы упрямы и какие большие усилия прилагаем, чтобы заблуждаться. Несмотря на то что мы все познаем опытным путем и применяем естественные методы в своих делах, в образовании здравый смысл нас подводит, и мы постоянно испытываем дорогостоящие механизмы в борьбе с природой в патентованных школах и академиях, в крупных колледжах и университетах»⁶⁷.

В другом месте этот глубокий мыслитель замечает: «Безусловно, университеты враждебны гениям, которые, видя и применяя собственные средства, подвергают сомнению рутину»⁶⁸. Мы стали рассматривать университет как своего рода фетиш, и не колеблясь наклеили ярлык неудачника, неспособного, на провалившего экзамен,

и сомневаемся в его будущем. Как этим ошибочным отношением нашего общества разрушается многообещающая карьера!

Я завершу свой доклад еще несколькими замечаниями. Боюсь, что я ранил чувства некоторых моих соотечественников. Я писал это больше с печалью, нежели в гневе. Я, как и все, горжусь славой индусов прошлого, и лучшие годы своей жизни провел, избавляя от забвения и представляя миру вклад индусов в важное направление, которым я имею честь заниматься. И хочу указать на то, что нашим безоговорочным следованием мудрости святых прошлого, – обустройством нашей повседневной жизни по неколебимым правилам *смрити* – наш общественный организм был приведен к застою и упадку.

Куллукабхатте и Рагхунандане, вероятно, надо воздать должное. Мы можем почитать их за ученость. Но они устарели. Индус надел кандалы *шастр* и *смрити*, и в результате с рассвета до заката и с ночи до росистой зари его жизнь превратилась в тоскливую рутину ритуалов и обрядов. Он стал автоматом – все его движения контролируются извне. У него нет времени подумать о себе. Неудивительно, что он прекратил делать любую работу, отмеченную новизной. Философ⁶⁹ (Г.Т. Бокль) красноречиво обобщает причины, которые привели к упадку Испании: «Одержанная церковью победа усилила ее власть и славу. В конце XVII столетия интересы духовенства не только были поставлены выше интересов мирян, но об интересах мирян совсем не думали. Величайшими людьми, за очень небольшими исключениями, стали клерикалы, и все преходящие соображения, все воззрения на мирскую политику были попорчены и обращены в ничто. Никто не задавал вопросов, не сомневался, не осмеливался узнать, правильно ли все это. Умы людей были попорчены. В то время как все другие страны двигались вперед, Испания остановилась. Каждая из этих стран сделала свой вклад в развитие знания, создание разных искусств или развитие некоторых наук. Испания, войдя в смертельное оцепенение, очарованная и введенная в транс отвратительным суеверием, которое отняло ее силу, представляет Европе особый пример неизменного упадка. Ей не осталось никакой надежды, и перед самым концом XVII в. единственный вопрос заключался в том, чьими руками будет нанесен удар, который разделит когда-то могучую империю, чья тень окутывала весь мир и чьи обширные остатки все еще впечатляют даже своими руинами».

Далее этот автор продолжает: «Народ, который с такой тоской оглядывается на свое прошлое, никогда не примется энергично содействовать прогрессивному движению; – они с трудом поверят в то, что прогресс вообще возможен. Для них древность – синоним мудрости и каждое усовершенствование – опасное новшество; в этом состоянии Европа несколько веков теряла время; в нем до сих пор находится Испания. Поэтому испанцы так примечательны своей инертностью, недостатком душевной энергии и отсутствием надежд, которые в нашу деловую и предприимчивую эру изолировали их от цивилизованного мира. Убежденные, что они мало что могут сделать, они совсем не торопятся действовать. Полагая, что унаследованное ими знание намного больше, чем то, которое они способны приобрести сами, они хотят сберечь интеллектуальные достижения целыми и сохранными; поскольку малейшие изменения в нем могут уменьшить их ценность. Довольствуясь тем, что унаследовали, они исключены из того великого европейского движения, которое, впервые начавшись в XVI столетии, до сих пор уверенно развивается, расстраивая странные представления, разрушая старые глупости, преобразуя и совершенствуя все и вся, но оставляя Испанию неколебимой. В то время как ум человеческий достигает удивительных и неслыханных успехов; в то время как открытия во всех странах окружают нас столь быстро и сокрушительно, что даже самый строгий взгляд, пораженный ярким сиянием их величия, не способен осмыслить их целиком; в то время как другие приближаются к еще более важным и далеким от повседневного опыта открытиям, и, вероятно, грядут еще более серьезные, над которыми сейчас тщательно трудятся талантливые мыслители и которые наполняют их умы неопределенными беспокойными и нелегкими ощущениями, которые и есть неизменные предвестники триумфа; в то время как покров грубо сорван, и природа,

атакованная со всех сторон, вынуждена открыть свои секреты и явить свое устройство, хозяйство и законы, неукротимой энергии человека, в то время как в Европе все оглашено шумом, поднятым ее интеллектуальными достижениями, коим склонны сочувствовать даже деспотические правительства, – ведь они могут отвратить от привычного курса и даже использовать их как новое средство, чтобы еще больше подавить свободу народа; – в то время как среди этого всеобщего шума и возбуждения колеблемое им общественное сознание обеспокоено и возбуждено, – в это время Испания безмятежно спит, безучастная и невозмутимая, не воспринимающая никаких впечатлений из остального мира и ничем не впечатляющая последний. Она лежит в отдаленной оконечности континента огромной и оцепеневшей массой, – единственным на сегодня представителем остатков чувств и знаний Средневековья. И худший из всех ее симптомов – то, что она вполне удовлетворена своим состоянием. Являясь самой отсталой страной Европы, она считает себя самой выдающейся и горда всем тем, чего должна устыдиться».

Приведенное описание с еще большей справедливостью приложимо к нашей стране.

Мы взываем к прошлому, но мы забыли, что в дни нашей славы была неведома строгая кастовая система. Вьяса⁷⁰, великий систематизатор Вед, был рожден рыбацкой. Рамачандра⁷¹ не стыдился обнимать чандалу Гухаку словно самого близкого друга. Шри Кришну⁷² в детстве воспитывала коровница. Почему этих великих людей не изгнали из касты и презрительно не отвергли как неприкасаемых?

Хорошо бы в Индии будущего гармонически сочеталось новое и старое и смешивались Запад и Восток. И чтобы здесь были равные возможности роста и развития индусов и мусульман, высоких и низких, брахманов и париев. Я попытался убедить моих соотечественников в следующем: бенгалец никому не уступает в научной интеллектуальной области, но, к сожалению, его интеллектуальная одаренность неправильно применяется. Поэтому вклад бенгальцев в фонд мирового знания весьма мал. В мусульманский период его тонкий гений был растрачен в схоластических диспутах и в тщательном разборе установлений и предписаний шаштр. А при настоящем режиме возникло племя законников, которые защищают традиции прошлого как интеллектуального результата, достигнутого в толах, и демонстрируют восхитительную юридическую проницательность. Но лучшее, что может предложить область права, – это возможность карьеры для немногих избранных из массы нашей образованной молодежи. Бенгальцы практически выродились в народ писцов. Пришло время нам стряхнуть оцепенение. Пусть обширные скрытые потенциальные возможности будут приведены в действие. Пусть бенгалец проявит себя в сфере исследований и научного поиска. Пусть он организует промышленное производство. И тогда он скоро займет свое место в сообществе наций и тем исполнит Божью волю.

Примечания

[1] History of Hindu Chemistry, Introduction, Vol. 1. 2nd Ed., XXIV.

[2] Но индусы более ранних эпох были более свободны в этом отношении. Варахамихира предписывает сесть у ног учителей *млеччха* (греков) и почитать их как риши, поскольку они большие знатоки астрономии.

Примечания переводчика

¹ Перевод выполнен по изданию [Ray n.d., 181–212]. Цифры в квадратных скобках отсылают к примечаниям Профуллочондро Рая, а надстрочные цифры – к примечаниям переводчика.

² Литературная конференция (бенг. *Бонго шахитто шоммелан*) – ежегодная конференция бенгальских писателей и общественных деятелей, посвященная вопросам развития бенгальского языка, литературы и культуры.

³ В Бенгалии рубежа XIX–XX вв. термин «нация» используется в нескольких значениях – народа, культурной или религиозной общности. Здесь П. Рай имеет в виду все население Индии до так называемого «мусульманского» периода ее истории.

⁴ Лекки Уильям Эдвард Хартпол (1838–1903) – ирландский историк, автор исследования «История взлета и влияния духа рационализма в Европе» (1865 г.).

⁵ Видимо, П. Рай ссылается на немецкого социолога и философа Макса Вебера (1864–1920), которому принадлежит исследование «Религия Индии: социология индуизма и буддизма».

⁶ Бхаскара (Бхаскарачарья) – судя по контексту, здесь имеется в виду индийский математик и астроном (1114–1185), автор трудов «*Лилавати*» («Арифметика») и «*Сиддханта широмани*» («Венец трактатов»). Это же имя носят математик и астроном Бхаскара Старший (VII в.) и философ-ведантист, младший современник Шанкары (VIII–IX вв.).

⁷ Ньяя – одна из школ (*даршан*) философии, занимается вопросами логики и эпистемологии; признает авторитет Вед и относится к группе ортодоксальных систем.

⁸ *Смрити* (букв. «запомненное») – собирательное название текстов, не входящих в комплекс ведийской литературы (Веды, Брахманы, Араньяки, Упанишад); в них входят дхармашастры (законодательные сборники), религиозные и философские трактаты, эпические поэмы и др.

⁹ Нободип (Навадип) – город в округе Надия (Западная Бенгалия), в средневековой Индии центр традиционной учености, где с XIII в. развивалась навья-ньяя, – обновленная версия философии ньяя. Город известен как место рождения вероучителя Кришны Чайтаны.

¹⁰ Рагхунандана Бхаттачарья (XV–XVI вв.) – бенгальский знаток индуистского права, истолковавший его в духе защиты традиционных норм от влияний ислама в период мусульманского правления.

¹¹ Ману – легендарный прародитель человеческого рода, которому приписывают «Законы Ману» («*Манусмрити*»), сборник законодательных предписаний (между II в. до н.э. и II в. н.э.), где детально регламентированы правила поведения каждой *варны* – брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Яджнавалкья – легендарный мудрец, считается автором сборника «*Яджнавалкья-смрити*» (ок. IV–III вв. до н.э.). Парашара – один из мудрецов – знатоков Вед, считается составителем сборника «*Парашара-смрити*».

¹² Гададхара Бхаттачарья (1604–1709) – философ школы навья-ньяя, автор трудов в области философии языка. Джагадиша (XVI в.) – известный философ-найяик.

¹³ Тола – традиционная санскритская школа, передающая брахманистское знание.

¹⁴ Бонкимчондро Чоттопадхай (1838–1894) – бенгальский писатель, социолог и общественный деятель, в поздний период творчества автор трудов об индуизме. В исторических романах и повестях прославлял моральные достоинства и героизм индусов, сражавшихся с завоевателями.

¹⁵ Куллукабхатта (XII–XIII в.) – комментатор индуистского права, прежде всего «*Яджнавалкья-смрити*» и «Законов Ману».

¹⁶ Новая логика – навья-ньяя.

¹⁷ Бхудеб Мукхопадхай (1827–1894) – бенгальский писатель, автор исторических романов и социолог, обосновавший рациональный характер индуистских традиций и институтов.

¹⁸ Шастры (от санскр. *śāś* – учить) – жанр древнеиндийской литературы, сложившийся в середине I тыс. до н.э. и включающий трактаты по различным отраслям традиционного знания от философии и политики до искусства.

¹⁹ *Риши* – древние мудрецы – создатели гимнов Вед.

²⁰ Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – французский историк и государственный деятель. Содействовал восстановлению Общества болландистов после его разгона в 1791 г. во времена Великой Французской революции.

²¹ Собрание болландистов – «*Acta Sanctorum*» (1643–1794), или «Акты святых», наиболее полное собрание житий христианских святых и мучеников, изданное в Антверпене Обществом болландистов (*Société des Bollandistes*) – объединением ученых, филологов и историков, принадлежавших к иезуитскому ордену. Название Общества восходит к имени священника-иезуита Жана Болланда (1596–1665), инициировавшего издание первых пяти томов собрания.

²² Капила – полулегендарный мудрец, считающийся основателем философии санхья.

²³ Упанишад – философские тексты, завершающие ведийский комплекс. Шесть систем индуистской философии – *даршаны*, школы, признающие авторитет Вед (*астика*) – ньяя, вайшешика, санхья, йога, миманса, веданта.

²⁴ П. Рай называет Чарваку «мудрецом», однако под этим именем известно материалистическое учение в древнеиндийской философии, восходящее к периоду шраманов (V в. н.э.). Возможно, учений имеет в виду основателя школы Брихаспати.

²⁵ Яджна – жертвоприношение богам, одна из архаических практик ведийского периода.

²⁶ *Джняна-канда* – деятельность познания высшей реальности, а также тексты ведийского комплекса, освещающие вопросы *джняны* – познания. *Карма-канда* – ритуальная деятельность, осуществляемая с целью очищения или общения с богами, а также часть ведийского комплекса, посвященная ритуалу.

²⁷ *Самхит* – сборников гимнов – четыре (Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа). *Трайя*, или «тройственный канон», сложился ранее, тогда как «Атхарваведа», включающая архаические пласты (заклинания, магические формулы), вошла в канон позже.

²⁸ Нагарджуна (II – начало III в. н.э.) – буддийский философ, автор основополагающих текстов религиозно-философской школы мадхьямаки. Традиция махаяны, считающая его бодхисаттвой (просветленным), приписывает ему множество трудов, в том числе о медицине.

²⁹ Сушрута-тантра, или Сушрута-самхита (IV в. н.э., окончательный вариант IX–X в.) – медицинский трактат, приписываемый знаменитому врачу-хирургу Сушруте. Особое внимание в трактате уделяется хирургии и анатомированию, с подробным описанием множества операций.

³⁰ Вагбхата – один из шести учеников основоположника традиции аюрведы врача-терапевта Пунарвасу Айтреи (ок. VIII в., Таксила); по другим данным, Вагбхата – буддист, ученик Чараки. «*Аштанга-хридай-самхита*» – один из ряда его трактатов, содержащий сводное описание восьми отраслей медицины.

³¹ Чарака (I – нач. II в. н.э.) – придворный врач буддийского царя Канишки, автор одного из первых медицинских трактатов «*Чарака-самхита*» по древней медицине аюрведе, преимущественно касается терапии и фармакопии.

³² Бхела (Бхеда) – автор медицинского трактата, которого традиция связывает с ведийской эпохой; трактат дошел до нас в виде фрагментов. Бхелу и Джатукарну считают основателями двух из шести школ аюрведы.

³³ Чакрапани (Чакрапанидатта, ок. IX в.) – автор комментариев к классическим трактатам аюрведы «*Чикитсасара-санграха*» («Собрание наставлений в медицине»).

³⁴ «*Расендрачиттамани*» (IX в. н.э.) – один из алхимических трактатов «тантрического» периода, упоминаемый П. Раем в «Истории индусской химии» [Ray 1909 I, xci–xcii].

³⁵ Бикрамपुर – область в Восточной Бенгалии, неподалеку от Дакки (ныне в Бангладеш).

³⁶ Навабы – наместники Бенгалии, Бихара и Ориссы времен Империи Великих Моголов; после смерти императора Аурангзеба превратились в фактических правителей региона.

³⁷ Махаяна (букв. «большая колесница»; I–V вв. н.э.) – одно из направлений буддизма, проповедующее идеал бодхисаттвы: пробужденного человека, дающего верующим пример отказа от нирваны ради спасения других.

³⁸ Панини (IV в. до н.э.) – древнеиндийский ученый, автор санскритской грамматики «*Аштадхьяни*» («Восьмикнижия»), где систематизированы достижения предшественников.

³⁹ Арьябхатта (476–550) – индийский математик и астроном, автор труда «*Арьябхатия*», в котором, помимо прочего, говорится о вращении Земли вокруг ее оси и вокруг Солнца. Брахмагупта (598–668) – математик, автор трактатов «*Брахмаспхота-сиддханта*» и «*Кхандакхьядака*»; первым изложил правила счисления с использованием нуля. Варахамихира (VI в.) – математик и астроном.

⁴⁰ Шрисена и Вишнучандра – индийские астрономы I тыс. н.э.

⁴¹ Раху – асура (демон); в наказание за то, что он вкусил напиток бессмертия, Вишну отсек Раху голову. Согласно мифу, его отрубленная бессмертная голова пребывает на небе и время от времени проглатывает луну, вызывая затмения.

⁴² *Кала* – букв. «искусства», общее название для различных ремесел и умений. Среди 64 традиционно перечисляемых в санскритских текстах «искусств» – медицина, техники обработки металлов и минералов, прикладное искусство и т.д.

⁴³ Тамралипти – древний город в устье Ганга, ныне Тамлук в Западной Бенгалии.

⁴⁴ Вароча – совр. Бхаруч, город в устье реки Нармада в Гуджарате, Западная Индия.

⁴⁵ Рёскин Джон (1819–1900) – английский философ, автор ряда искусствоведческих трудов.

⁴⁶ Вивекананда Свами (наст. имя Норендронатх Дотто, 1863–1902) – бенгальский философ-неоведант, общественный деятель. Являясь сторонником духовного и социального обновления индийского общества, призывал индуистов отказаться от всех отживших и нерациональных обычаев и следовать высоким этическим идеалам веданты.

⁴⁷ Цитируется цепочка так называемых *биджа-мантр* – слогов символического значения, причем с очевидными искажениями; в комплексе это также может быть *дхарани* – формула без рационального смысла, но оказывающая магическое воздействие самим звучанием.

⁴⁸ Кулинизм (от дравидск. *кулам*, «клан») – социальное явление индуистского общества, производное от брачных правил внутри варны брахманов; иерархия кул (в том числе как больших семейных экзогамных групп) требовала всемерного поддержания ритуальной чистоты клана, которую можно нарушить «неправильными» брачными союзами. Кулины могли выдавать дочерей замуж только за брахмана равного кланового статуса, что породило многоженство и превращение брака в доходное предприятие (жениху-кулину выплачивалось вознаграждение).

⁴⁹ Баллала (Валлала) Сена (1159–1179) – раджа из династии Сенов, с конца IX в. н.э. правившей в Восточной Бенгалии. Стремился восстановить и укрепить ортодоксальные индуистские религиозные обряды и социальные предписания после долгого господства буддизма в регионе.

⁵⁰ Неприкасаемые касты – корзинщики и безземельные земледельцы-работники (*дом*), землеопы (*багди*), горшечники (*ханди*). Чандала – общее название неприкасаемых каст, по происхождению потомков браков шудр с брахманками.

⁵¹ С XII в. в Бенгалии появились *гхатаки* (бенг. *гхоток* – «тот, кто заставляет события свершаться»), выступавшие посредниками в устройстве браков между представителями разных кланов (*кул*). Сватовство было профессией гхатаков; для поддержания ритуальной чистоты кланов они вели специальные генеалогические хроники (*куладжи*) с подробной историей семей. Гхатаки сыграли важную роль в закреплении кастовой структуры и сознания. Названный П. Раем Девивара Гхатака (XV в.) – известный составитель таких хроник.

⁵² Перечисляются местные (*локика*) бенгальские брахманские джати, отличающиеся от брахманов-иммигрантов в Бенгалию.

⁵³ Пророк из Нободипа – Кришна Чайтанья (1486–1533) – проповедник вишнуитского *бхакти*, экстатического слияния верующего с Богом (Кришной). Призывал отказаться от ритуализма, осознать священное братство в вере независимо от кастового статуса, а также любовь, сострадание, смирение и веротерпимость.

⁵⁴ Мир Касим – наваб Бенгалии, Ориссы и Бихара; первоначально поддержанный британской Ост-Индской компанией после битвы при Плесси (1757 г.), но затем вступивший с ними в борьбу и разбитый в битве при Буксаре (1764 г.).

⁵⁵ Калипрошонно Банерджи (Бондопаддхай) – историк; П. Рай ссылается на его «Историю Бенгалии в XVIII в. при мусульманском правлении», написанную на бенгали и опубликованную в Калькутте в 1901 г.

⁵⁶ *Банья* – каста варны *вайшья* (торговля и ростовщичество) в доколониальной Индии.

⁵⁷ Мутшудди (от бенг. *мутчудди*, «счетовод») – бенгальские посреднические конторы; их владельцы создавали крупные состояния на содействии европейскому бизнесу.

⁵⁸ *Крор* – десять миллионов.

⁵⁹ Постоянное землеустройство – система налогообложения в Бенгалии, введенная в 1793 г. маркизом Ч. Корнуоллисом; землевладельцы (заминдары) были признаны наследственными владельцами «на вечные времена», то есть частными собственниками.

⁶⁰ *Керани* (бенг.) – письмоводители в торгово-промышленных домах.

⁶¹ *Свадеши* (бенг. «своя страна») – движение за развитие национального производства с 1905 г.

⁶² Марвари – джайнская торговая каста.

⁶³ Шееле Карл Вильгельм (1742–1786) – шведский химик, фармацевт, первооткрыватель кислорода и других химических элементов.

⁶⁴ Выдающийся учитель бенгальской молодежи – Г.В.Л. Дерозию, молодой преподаватель Хинду Колледжа. Источник цитаты установить не удалось.

⁶⁵ Цитата из дневников Р.У. Эмерсона [Porte, 1982, 191].

⁶⁶ Джордж Эллиот (наст. имя Мэри Энн Эванс, 1819–1880) – английская писательница-романист; П. Рай цитирует ее роман «Мельница на Флоссе» (1860 г.) [Эллиот 2014, 373].

⁶⁷ Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882) – американский философ-трансценденталист, писатель, поэт. П. Рай цитирует его эссе «Образование» [Emerson 2010, 228].

⁶⁸ Цитируется эссе Эмерсона «Черты английской жизни» [Emerson 2000, 569].

⁶⁹ Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» (1857 г.).

⁷⁰ Вьяса – легендарный автор Махабхараты; по легенде, его матерью была рыбацка Сатьявати.

⁷¹ Рамачандра, он же Рама – царевич Айодхьи, герой эпоса Рамаяна, почитаемый как воплощение бога Вишну.

⁷² Шри Кришна – один из героев эпоса Махабхарата, сын царя Васудевы, почитаемый воплощением бога Вишну; был отдан на воспитание в семью пастуха.

Перевод и примечания Т.Г. Скороходовой